G 49/1590
короленко

2007341236

Признаки украинской колонизаціи на Уралѣ.

Старѣйшими козачьими поселеніями на русскихъ окраинахъ слѣдуетъ считать войско запорожское и донское. Выходцы съ Дона положили начало козачьимъ поселеньямъ на Уралѣ (Яикѣ), и уральское войско занимаетъ хронологически третье мѣсто. Оно охраняло пограничную рѣку Яикъ отъ вторженій азіятскихъ ордъ съ киргизской степи, совершенно открытой для хивинскихъ и бухарскихъ наѣздовъ. За эту сторожевую службу козачество получало грамоты на владѣніе охраняемой рѣкой.

Право владѣнія рѣкой было органически связано съ ея охраной. Оказалось, однако, что, поселившись въ среднемъ теченіи Яика и обострожившись здѣсь Яицкимъ городкомъ нынѣ Уральскъ),—яицкое войско засѣло станицами и поселками главнымъ образомъ по теченію рѣки внизъ до гор. Гурьева, гдѣ первоначально былъ построенъ учугъ для рыбной ловли, впослѣдствіи перенесенный къ городу Яицку. Эту наиболѣе обильную рыбой часть рѣки яицкіе козаки и охраняли, содержа здѣсь сторожку, пикеты и разъѣзды. Верхнее-же и среднее теченіе Яика, приблизительно до устьевъ рѣки Иртека (впадающей въ Уралъ справа)—оставалось мало защищеннымъ, почему верхнія киргизскія орды безъ труда „перелазили“ рѣку, прокрадывались пустыми прияицкими степями къ Волгѣ и даже забѣгали за Волгу, угоняя опять тойже дорогой скотъ и ясырей,—мужчинъ, женщинъ и дѣтей,—въ далекій тяжкій хивинскій плѣнъ...

Это вынудило русское правительство подумать о защитѣ верхняго Яика. Съ этой цѣлью былъ построенъ гор. Оренбургъ, представлявшій значительную крѣпость. На оренбургское войско

возлагалась сторожа на рѣкѣ Яикѣ отъ истоковъ до Разсыпной: Остальная рѣка находилась въ вѣдѣніи войска яицкаго.

Оказалось, однако, что и послѣ этого, часть линіи отъ Разсыпной до устья Иртека (приблизительно 70 верстъ) оставалась почти безъ охраны: орда находила здѣсь удобные перелазы, пробираясь по зарослямъ и болотамъ, и нападала на караваны и обозы, двигавшіеся къ Оренбургу изъ Россіи и обратно. [1]) Въ виду этого около 1736 года правительство стало вызывать охотниковъ для поселенія на этой линіи, обѣщая имъ, разумѣется, тѣ-же права, какія вообще были связаны со сторожевой козачьей службой, т. е. рѣку съ лугами и пашнями, съ рыбными ловлями, лѣсами и водами. Быть можетъ, первоначально правительство обращалось къ яицкому войску, но, убѣдившись, что яицкіе козаки неохотно подвигаются кверху, —кликнуло въ 1736 году кличъ ко „всякаго чина охочимъ людямъ", предлагая имъ поселиться на незанятой линіи, „для обезпеченія свободнаго движенія къ Оренбургу карановъ и обозовъ и для содержанія башкирской и киргизской сторонъ въ надлежащемъ подданствѣ".

На этотъ призывъ первыми откликнулись два козака *„черкасской природы"*, Иванъ Никифоровъ Изюмскій и Андрей Денисовъ Черкасовъ со товарищи. Очевидно, это были выходцы съ Украины, почему нибудь не ужившіеся въ родныхъ степяхъ и присоединившіеся къ яицкому войску. [2]) Изъ кого состояли ихъ первоначальные „товарищи",—неизвѣстно, но весьма вѣроятно, судя по нижеизложенному, что это были тоже люди „черкасской прироры". Изюмскій и Черкасовъ просили разрѣшенія построить городъ противъ устья р. Илека, впадающаго въ Яикъ съ лѣвой, т. е. Киргизской стороны. Указомъ 5 февраля 1737 года это разрѣшеніе имъ дано, съ правомъ принимать къ себѣ другихъ посельниковъ, и городокъ былъ построенъ на правой сторонѣ рѣки Яика „въ кустахъ".

Мѣсто оказалось выбраннымъ неудачно; во первыхъ, оно затоплялось разливами рѣки, а во вторыхъ—кусты и заросли давали „легкую способность киргизцамъ и прочимъ азіятскимъ на-

---

[1]) Во время моей поѣздки по Уралу въ 1900 году мнѣ указывали мѣста этихъ перелазовъ,—которыми киргизы пользовались еще на памяти нынѣ живущихъ стариковъ.

[2]) Г. Артемій Логиновъ называетъ ихъ „яицкими козаками черкесскаго рода". (Стат. очеркъ станицъ: Студеновской, Мустаевской, Илецкой, Благодарновской и Бородинской". Уральскъ. 1901. стр. 67).

родамъ" подкрадываться къ городку и нападать на него внезапно. Повидимому, это именно случилось очень скоро, и старое городище, слѣды котораго сохранились до настоящаго времени среди зарослей, въ видѣ земляныхъ валовъ, бугровъ и насыпей,—было въ 1737 или 1738 году мѣстомъ дѣйствія кровавой степной трагедіи, во время которой козаки-атаманы черкасской природы Изюмскій и Черкасовъ съ товарищи были перебиты. По крайней мѣрѣ уже на слѣдующій годъ станица переносится изъ предательскихъ „кустовъ" на лѣвую сторону Яика, гдѣ стоитъ и до сихъ поръ. Очевидно, наученные печальнымъ опытомъ, поселенцы козаки рѣшили прикрыть рѣкою свой тылъ, а лицомъ стоять прямо къ враждебной киргизской степи. Они сдѣлали между Яикомъ и Илекомъ „перекопъ",—канаву съ валомъ, на которомъ еще за памяти нынѣ живущихъ людей стояли пикеты, зорко слѣдившіе за ровнымъ и загадочнымъ степнымъ просторомъ. Самыя-же имена атамановъ Изюмскаго и Черкасова въ оффиціальныхъ бумагахъ уже слѣдующаго года исчезаютъ. Вѣроятно, они погибли, и на мѣсто ихъ въ качествѣ атамана выступаетъ какой-то загадочный выходецъ съ венеціанской фамиліей Маркобруновъ. Если фамилія указываетъ дѣйствительно на венеціанское происхожденіе этого козака, то можно предполагать, что въ Россію онъ попалъ черезъ Черногорію, славянскія земли и Румынію, съ которыми были въ сношеніяхъ запорожцы. Является поэтому вѣроятнымъ, что Маркобруновъ могъ быть однимъ-изъ товарищей Изюмскаго и Черкасова, и что, значитъ, преобладающее значеніе въ Илекѣ все таки оставалось въ первые годы за первоначальнымъ ядромъ „черкасскихъ" выходцевъ.

Съ этихъ поръ исторія илецкаго войска вся переполнена эпизодами двойной борьбы: съ одной стороны съ—враждебною киргизскою степью, съ другой яицкимъ—съ войскомъ. Дѣло въ томъ, что право новопоселенныхъ козаковъ, истекавшее изъ того, что они своею кровью защищали „линію" между Разсыпной и предѣлами яицкаго войска, столкнулось съ старинными правами яицкихъ козаковъ, считавшихъ рѣку своимъ достояніемъ. Илецкихъ казаковъ яицкое войско не допустило къ рыбнымъ ловлямъ за учугомъ, но сами яицкіе козаки, какъ это видно изъ многихъ жалобъ сельчанъ, выѣзжали въ Илецкіе земли, рубили лѣсъ и тянули рыбу въ рѣчкахъ и озерахъ. Кромѣ того, илецкое войско было отдано въ вѣдомство яицкой войсковой канцеляріи, и такимъ образомъ при всѣхъ спорахъ между Илецкими и яицкими козаками,—послѣдніе являлись судьями въ собственномъ дѣлѣ.

Въ 1890 году, работая въ войсковомъ архивѣ въ Уральскѣ, я нашелъ, между прочимъ, очень краснорѣчивую слезницу, въ которой 17 илецкихъ-козаковъ жаловались на притѣсненія, испытываемыя ими „въ противность указовъ". „Указами войсковой старшинѣ и войску велѣно всѣхъ козаковъ вравнѣ довольствовать какъ рыбными ловлями, такъ и прочими припасами, а они не только припасами не довольствуютъ, но и къ рыбнымъ ловлямъ въ равенство свое ихъ не допущаютъ. У нихъ-же у кого и ружья не имѣется, такожъ и пороху и свинцу Илецкой станицѣ ниоткуда не опредѣляютъ, отчего имъ по украинности (sic) и по новости мѣста и при воинскомъ случаѣ быть невозможно". Перечисливъ всѣ возможные виды испытываемыхъ ими притѣсненій, просители заявляютъ, что они „находятся въ немаломъ страхѣ, чрезъ которые ихъ страхи нетокмо имъ въ какихъ промыслахъ находиться можно, но уже и домовъ своихъ въ печалѣхъ стали быть лишены". Въ виду всего этого „для лутчей по казачьей службѣ пользы и содержанія себя пищею и протчимъ домовымъ припасомъ"—просятъ ихъ изъ вѣдомства яицкаго войска изъять и причислить къ станицѣ Разсыпной, въ составъ оренбургскаго войска.

Въ другихъ бумагахъ упоминается, что нѣкоторые козаки Илецкой станицы кидали службу и „сходили" съ голоду. Все это рисуетъ отношенія, установившіяся между илецкимъ и яицкимъ козачьими войсками. Не вдаваясь въ подробности этого спора, скажемъ только, что онъ не законченъ еще и теперь. Во время Пугачева, когда яицкое войско приняло сторону названнаго царя,—у ближайшихъ его приверженцевъ возникло сомнѣніе, какъ его приметъ Илекъ,—„потому что илецкіе козаки живутъ съ Яицкимъ войскомъ не въ согласіи".[1]) Въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка илецкій вопросъ игралъ значительную роль въ возникшемъ на Уралѣ (въ атаманство Дандевиля) волненіи. Наконецъ, въ 1900 году мнѣ лично пришлось отмѣчать въ очеркахъ своего путешествія по станицамъ средняго Урала эпизоды все той-же вѣковой борьбы, въ видѣ пограничныхъ столкновеній и наѣздовъ.[2])

Г. Арт. Логиновъ, въ статистическомъ описаніи, которое я цитировалъ выше,—приводитъ между прочимъ дозволеніе Изюмскому и Черкасову принимать въ Илецкій городокъ мещеряковъ,

---

[1]) Дубровинъ: „Пугачевъ и Пугачевцы".

[2]) См. „Русское Бог." 1901 г., № 12; „У козаковъ" стр. 179 и слѣд.

калмыковъ, татаръ и другихъ инородцевъ, и пытается объяснить раздоръ двухъ войскъ „инородческимъ“ составомъ илецкаго козачества. Въ составѣ илецкаго войска есть дѣйствительно станицы (напр. Мустаевская), заселенныя на половину козаками-татарами, которые живутъ въ добромъ согласіи съ остальнымъ войскомъ. Это однако не опредѣляетъ еще характерной разницы въ племенномъ составѣ илецкаго козачества, и тотъ-же авторъ говоритъ только, что особенности илецкихъ козаковъ болѣе приближаютъ ихъ по типу „къ представителямъ населенія сосѣднихъ съ ними (?) селъ и деревень Россіи“.[1]) Такимъ образомъ рѣчь, очевидно, идетъ не о монгольско-инородческомъ типѣ, и дѣйствительно, жители Илева и его станицъ (кромѣ татарскихъ) обнаруживаютъ не больше характерныхъ признаковъ инородческой крови, чѣмъ коренные уральцы, среди которыхъ попадается немало лицъ калмыцкаго, киргизскаго и вообще монгольскаго склада. За то нѣкоторыя особенности илецкаго населенія могутъ повидимому указывать на слѣды малорусскаго этническаго вліянія.

Недостатокъ времени и малое знакомство съ пріемами этнографическаго изслѣдованія не позволили мнѣ во время моей поѣздки собрать достаточный матеріалъ изъ этой области; обычаи и обрядовыя пѣсни, по словамъ моихъ знакомыхъ, у илечанъ отчасти отличаются отъ уральскихъ. Наиболѣе замѣтной чертой, которую отмѣчаютъ всѣ, бывавшіе въ Илекѣ, является говоръ. Онъ мягче уральскаго и сохраняетъ характерную замѣну буквы *ѣ* буквою *и*. Одинъ изъ природныхъ илечанъ, козакъ учитель М. Е. Вѣрушкинъ, записалъ по моей просьбѣ нѣсколько десятковъ словъ съ такими смягченіями. Вотъ онѣ: „Бида́, билòкъ, бисе́нокъ, бижи́тъ, билу́га, биля́къ, вино́къ, гниздò, гнидòй, двина́дцать, звизда́, змія, зивàть, изда́, ида́, лини́вый, лити́тъ, лика́рство, миста́, мишàкъ, мина́, нимòй, питу́хъ, пивèцъ, рика́, ришетò, слиды́, снига́, снижòкъ, стрила́, сидой, стина́, спря́къ, синокòсъ, спина́, хлиба́ть, хлиба́ и др.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, во 1-хъ, что смягченіе касается нерѣдко словъ, въ корнѣ которыхъ было не *ѣ*, а *е*. Такъ илечанинъ говоритъ: видро́, висна́, зимля́, писо́къ, пича́ль, пличо́, стикло́, тилѐнокъ, Фидо́тъ и т. д. Иныя изъ этихъ словъ (напр. писокъ и видро) слышатся со смягченіемъ вездѣ въ Украинѣ,

---

[1]) Статист. описаніе, стр. 68.

но украинецъ никогда не произнесетъ „висна“ или „зимля“. Во 2-хъ, — смягченіе всегда касается лишь только тѣхъ слоговъ, на которыхъ нѣтъ ударенія. Такъ напримѣръ, илечанинъ говоритъ *сьно* и — *сина*, *синокосъ*; *рьчка* и *рика*, *ричной*; *бьсъ* и *бисёнокъ*, *бисноватый*: Если, такимъ образомъ, признать, что звукъ *и* вмѣсто *ь* указываетъ на остатокъ украинскаго говора, то слѣдовало бы признать, что это характерное смягченіе уже вытѣснено изъ слоговъ съ яснымъ удареніемъ, но зато распространилось (въ слогахъ безъ ударенія) также и на букву *е*, что встрѣчается въ опредѣленныхъ случаяхъ и въ украинской рѣчи.

Другихъ указаній на украинское этническое вліяніе я не замѣтилъ. Правда,— оба войска не слились въ теченіи довольно продолжительнаго времени въ одно цѣлое, и вражда, раздѣлявшая илечанъ и уральцевъ въ допугачевское время, замѣтная еще и теперь, напоминаетъ отчасти тотъ упорный и непримиримый антагонизмъ, который раздѣлялъ на Дунаѣ выходцевъ съ запорожья и козаковъ-некрасовцевъ (съ Дона). Но это можетъ быть легко объяснено чисто экономическими причинами. Съ другой стороны—процентъ старообрядцевъ безпоповцевъ на Илекѣ не меньше, а больше, чѣмъ въ среднемъ во всей области. „Бритоусцевъ“ (т. е. брѣющихъ бороды)—не больше, чѣмъ въ другихъ станицахъ Урала, между тѣмъ, какъ извѣстно, Украина не знала раскола, и украинскіе козаки брили бороды. Украинскихъ фамилій на Илекѣ теперь почти не встрѣчается, что, впрочемъ, понятно, если принять въ соображеніе, что фамиліи легко мѣняются. Такъ напримѣръ, Изюмскій и Черкасовъ, которыхъ и грамоты называютъ „людьми черкасской природы“, названы уже по мѣстамъ, откуда они вышли, а не своими прежними фамиліями (которыя, вдобавокъ, они, быть можетъ, имѣли основаніе скрывать). Мой корреспондентъ, М. Е. Вѣрушкинъ, указываетъ на фамиліи Череватый и Опара, которыя онъ встрѣчалъ въ старинныхъ спискахъ, но которыя теперь уже измѣнились (Череватовъ).

Изъ всего сказаннаго остается вполнѣ несомнѣннымъ одно— что вожаками первоначальныхъ илецкихъ поселенцевъ были выходцы съ Украины. Затѣмъ, есть основаніе думать, что и „товарищи“ ихъ были такого-же происхожденія, но это основное ядро частію погибло при нападеніи на первоначальный Илекъ, построенный на лѣвой сторонѣ Урала и слѣды котораго до сихъ поръ еще видны „въ кустаехъ“. Фамилія новаго атамана (Маркобру-

новъ), преемника Изюмскаго и Черкасова, указываетъ, вѣроятно, на одного изъ западныхъ выходцевъ, прошедшихъ черезъ Украйну и вышедшихъ на Уралъ вмѣстѣ съ Изюмскимъ и Черкасовымъ. Указываетъ-ли смягченный говоръ илечанъ на то, что украинская рѣчь въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ еще боролась съ говоромъ великорусскимъ и оставила свои искаженные слѣды въ современной рѣчи,—объ этомъ лучше могутъ судить филологи.

Вл. Короленко.

Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“

Кіевъ. Типографія Т-ва Н. А. Гиричъ.

2007341236